

Знаменосец советской поэзии

Маяковский не раз высказывался о значении поэта.

— В пору бурь и тревог, — говорил он нам, — слово поэта может быть живым, если оно — оружие воинов Революции... Нам не нужна поэзия как «шопот, робкое дыханье»...

«Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо», — писал он в своем стихотворении «Домой!». О песнях в одном из его ранних произведений сказано: «Наше оружие — наши песни».

Советские поэты, служившие в годы Великой Отечественной войны в Армии и на Флоте, с благодарностью вспоминали пример боевой поэтической работы Маяковского, стих которого был «бомбой и знаменем». Маяковский, так же, как и Демьян Бедный, с первых дней Советской власти провозгласил идею дружеского единения поэтов и воинов. Свой «Левый марш», посвященный революционным матросам, поэт прочитал прежде всего во флотском экипаже в Питере. К солдатам и матросам довольно часто ходил и ездил он для бесед, для чтения стихов, и нас учил тому же.

Особенно памятен мне выезд в Октябрьские лагеря в июне 1929 года. В субботу вечером я разговаривал с Маяковским по телефону.

— Что вы завтра делаете? — спросил он. — Давайте поедем в Октябрьские лагеря. Приглашают красноармейцы. Это возле села Всехсвятского. Можете и семью с собой взять... Согласны?

На другой день по песчаным дорожкам лагерей гулял, беседуя с красноармейцами, поэты С. Кирсанов, И. Молчанов, Д. Алтаузен. Их тоже «мобилизовал» Маяковский. Среди высоких сосен блистали залитые солнцем ряды палаток. За ними — широкая дорога, ведущая к летнему клубу. По бокам дороги — щиты с газетами, с плакатами, с фотопортретами.

В клубе, возле сцены — большой плакат, любовно нарисованный художником-красноармейцем:

«Красная армия —
Красный еж, —
верная
наша
защита».

(В. Маяковский).

На широкой лесенке, ведущей на сцену, я увидел Маяковского, окруженного красноармейцами. Он был в отличном настроении. Весело представил нас красноармейцам. Затем внимание Маяковского привлек мой пятилетний сын, которого я держал за руку.

— Это что за литератор? — спросил Владимир Владимирович.

— Это мой сын.

— Ну вот что, малыш, — сказал Маяковский серьезно. — Тебя, конечно, Володей зовут... Бери, тезка, своего папу и пойдем, брат, по палаткам. Посмотрим, как нашим воинам на вольном воздухе живется.

Мы ходили долго, знакомились с лагерным бытом. Маяковский первым заходил в палатки, приподнимал одеяла на койках, трогал подушки — всем интересовался. Красноармеец удивленно заметил:

— Скажи на милость — поэт, а интересуется нашей прозой жизни...

— Учтите, товарищ, что проза нашей советской жизни выше всякой чужой поэзии, — тихо сказал Маяковский. — Я много мест повидал на свете, был и в Америке. Имею все основания ценить, в частности, вашу воинскую прозу. А вы уж судите о нашей поэзии...

Слово за слово — и тут же, в палатке, началась беседа. Маяковскому задавали вопросы, он отвечал и в свою очередь спрашивал нас — об успехах в боевой и политической подготовке, о том, кто какие книги читает, чем интересуется. Кто-

К 25-летию со дня
смерти В. В. Маяковского

то спросил: почему некоторые стихи Маяковского непонятны?

— Меня огорчает, если они вам непонятны, — ответил поэт. — Постараюсь быть понятным, дружище! И вы постарайтесь получше понимать стихи...

Политрук, наслышанный о полемическом задоре Маяковского, не преминул заметить:

— Как вы, Владимир Владимирович, деликатно беседуете. А ведь говорят, что вы человек резкий да задиристый...

— Это я с противником задирист, чего и вам желаю...

Добродушное оживление не покидало Маяковского весь день. Он много шутил, присоединился к красноармейцам, играющим в кегельбан.

Потом перед огромной аудиторией, расположившейся на скамейках, мы, четыре поэта, выступали с чтением своих стихов. Читал и Маяковский.

Он всегда хорошо читал стихи. Но в тот день голос его звучал с исключительной силой и выразительностью. Из стихов об Америке он прочел «Бродвей». Когда после заключительной строфы —

«Я в восторге
от Нью-Йорка города.

Но
кепчонку
не одеру с виска.

У советских
собственная гордость:
на буржув
смотрим свысока»

— отгремели аплодисменты, Владимир Владимирович спросил:

— Есть тут что-нибудь непонятное?

— Все понятно!.. — раздалось в ответ.

— В таком случае буду читать много.

И он читал, не скупясь. Читал стихи недавние и давние, прочел «Левый марш». Для меня это — уже ставшее знаменитым — стихотворение вновь прозвучало тогда волнующим напоминанием о тяжких и прекрасных годах великой борьбы, в которую включалось первое поколение комсомола.

Пламенная любовь к Родине, к народу-герою — строителю социализма рождала у Маяковского великий гнев и ненависть к врагам Родины. Как рядовой войны, «революцией мобилизованный», он сражался оружием поэтического слова против всяческих врагов страны социализма. Тема защиты священных границ родной земли была одной из важнейших в творчестве Маяковского.

Меткое, разящее слово великого поэта всегда находилось на вооружении защитников социалистической Отчизны. Его стихи, предельно выразительные и целеустремленные, призывали к дисциплине, мужеству. Они и сейчас звучат как грозное предостережение поджигателям войны.

Страна у нас
мягка и добра,
Но землю Советов
не трогайте:
Тому,
кто свободу придет

Сумеет
остричь
когти,

Узами крепкой дружбы был связан В. В. Маяковский с советскими воинами. Немало теплых задушевных слов посвятил великий поэт военным морякам в поэме «Хорошо!» и других стихах. Подлинная забота патриота о росте могущества нашего флота звучит в словах Маяковского, обращенных к морякам:

Не век
стоять
у залива в болотце.
Крепите
советский флот,
краснофлотцы!

Я вспоминаю тот памятный день, когда мы выступали перед советскими воинами. Маяковский читает поэму «Хорошо!». Гордость за нашу Родину и народ звучала в каждом слове поэта.

Глубокую уверенность вселили в сердца слушателей четкие, маршевые строфы поэмы:

«Полки
идут
у меня на виду.
Приспособил к маршу
такт ноги:
вра-
ги
ва-
ши —
мо-
и
вра-
ги».

В грозное время Великой Отечественной войны советские поэты нередко повторяли эти простые слова, как заветное: шагать в ногу с теми, кто мужественно защищает от врагов родные земли и моря, мир и счастье народа, наше настоящее и будущее.

Прошли многие годы. Но мы и теперь продолжаем ощущать Маяковского как живого, говорящего с живыми. Маяковский остается глашатаям нашей боевой поэзии, понятный самым широким кругам читателей, среди которых он всегда особое место отводил советским воинам. Чувства тех из них, кто в годы войны открывал для себя глубокий смысл патриотических стихов выдающегося поэта, я попытался выразить в стихотворении:

Раскаты голоса громового,
Врываясь в гул военной были,
Полней и несколько по-новому
Нам Маяковского открыли.
Воспетая им стройка города,
Над сельским клубом струйка дыма —
Все становилось дважды дорого
И больше прежнего любимо.
И сразу в голосе повышенном
И в слове грубовато-гневно
Мы нежность скрытую услышали,
Согретую огнем душевным.
Бессмертный стих, не зная усталости,
Шагал по всем путям военным.
Он всюду был, бойцов напугав
Своим призывом вдохновенным.
Певец, гражданской страсти отданный,
Всегда — с героями похода,
Как сын страны, как верноподданный
Непобедимого народа.

Поэзия В. В. Маяковского является образцом страстной борьбы за победу нового, передового, образом непримиримости ко всему отживающему, омертвевшему. Выступая как подлинный новатор, Маяковский развил и умножил замечательные традиции русской классической поэзии, традиции А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова.

Творческий опыт великого поэта нашей эпохи обогащает советскую поэзию, определяет ее развитие. Неопределима роль Маяковского в русской советской поэзии и поэзии братских народов, неопределимо его значение в развитии мировой прогрессивной поэзии и литературы в целом. Для передовых людей всех стран имя Маяковского сливается с понятием революции, величие и всемирно-историческое значение которой он воспевал. Представители прогрессивного искусства мира видят в образе Маяковского классика новой поэзии.

И сегодня Маяковский является нашим боевым современником, знаменосцем советской поэзии.

Александр ЖАРОВ.